

М.П.СУХУШИН

РЕГУЛЯРНАЯ АРМИЯ В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ ПЕТРА I: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Рассматривается вопрос о влиянии военной реформы Петра I на систему социальных отношений в России. Петр I создал социальный слой «реформаторов», отделив их от «старого» общества. Главным инструментом реформ стала регулярная армия, размещенная в губерниях.

Ключевые слова: *власть, реформы, русская армия, администрация, социальные изменения.*

Вопрос о влиянии военной реформы Петра I на систему социальных отношений в России не стал предметом самостоятельной научной разработки, несмотря на определенный интерес, проявлявшийся к нему историками разных поколений и школ. В.О. Ключевский зафиксировал становление враждебного режима в стране после того, как на вечные квартиры были размещены «126 разнuzданных полицейских команд, разбросанных по 10 губерниям среди запуганного населения» [9, с.167].

Е.В. Анисимов отметил перенесение Петром I военных порядков на гражданские учреждения и гражданскую бюрократию. По словам историка, царь рассматривал армейскую организацию как эталон эффективности и рациональности и старался гражданскому учреждению придать черты воинского подразделения, а регламенту - военного устава. Признавая глубокое проникновение военных привычек и навыков в опыт гражданской жизни, Е.В. Анисимов, однако, не дает ответа на вопрос, в каком же направлении милитаризация общества повлияла на поведение отдельных социальных групп и отношения между ними [1, с.223].

Между тем, в самой социальной реконструкции и подготовительных шагах к ней, предпринятых Петром I, армии отводилась ключевая роль. Не вдаваясь в исторический ход петровской модернизации, попробуем выделить несколько основополагающих моментов, наиболее значимых с точки зрения технологии перемен и управления процессами общественного обновления. Отправным моментом петровской практики может служить замечание социолога Э. Дюркгейма: способность власти, и лично вождя, разрушать коллективные обычаи и создавать новый порядок в архаичных обществах напрямую зависит от степени ее автономности [6, с.204].

В петровскую эпоху резкое возрастание объема полномочий царя-преобразователя шло рука об руку с качественным изменением самого образа власти. Данные изменения особенно заметны на фоне допетровского времени. Так, общественные представления о прерогативах короны до Петра I допускали ее почти необъятную власть над лицами, но не над порядком. Последний, называвшийся «чином», составлял установленный и не подлежащий пересмотру уклад жизни. Поэтому, например, царь Алексей Михайлович мог безнаказанно для своего царского «имиджа» добиться низложения и ссылки всесильного патриарха Никона, но был не в силах провести масштабные структурные реформы. В этом плане тактику Петра I можно изобразить как поэтапное разрушение старых стереотипов относительно природы и назначения самодержавия и насаждение принципиально новых культурных понятий.

Для начала Петр I решительно и бесповоротно перечеркнул типичную схему царского поведения. «Всепьянейшие соборы», потешные свадьбы шута Ф. Шанского и князя-кесаря Ф.Ю. Ромодановского, придворных карликов, заключавшие в себе кошунственное пародирование таинства брака. Награждение шутов орденом Иуды, игровое венчание на царство князя – кесаря Ромодановского и возведение в патриархи престарелого дядьки царя Н.М. Зотова накануне Прутского похода. Женитьба самого царя на безродной «портомое» и к тому же своей духовной внучке, принятие им в 1721 г. нового титула, означавшего, помимо прочего, присвоение себе высших полномочий – все это составляло первый этап. На втором этапе

деятельность Петра I выглядела как создание символов и мифов о новом порядке. Реформаторские начинания породили целый пласт легенд о подмененном царе-немце, царе-антихристе и т.п. Создание культа царской власти, приравнивавшего царствующую особу к Богу со всеми атрибутами поклонения [14, с.137-139] – знаменовало вторую фазу. Конечным результатом стал взлет власти на высоты, недостижимые для ее предшественников. Итог данного перерождения подвела формула абсолютизма, представленная императором в «Артикуле воинском»: «Его величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен. Но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский государь, по своей воле и благомнению управлять» [12, с.331]. Это давало возможность диктовать собственную волю всей социальной иерархии и добиваться безоговорочного подчинения своим распоряжениям, какими бы безрассудными они порой не казались.

В свою очередь мифология власти получала систематическое подкрепление в показе подданным военной силы, созданной царем. В воспоминаниях и отчетах иностранных дипломатов, находившихся в Петербурге, столичная действительность запечатлелась в виде непрерывной пальбы из пушек и ружей, которой сопровождалась ежедневные учебные занятия солдат и все сколько-нибудь знаменательные события в жизни государства, двора, царской семьи и высших сановников. Характерно, что такие салюты часто производились самими военными командирами в отсутствие царя для прославления его имени и его дел» [11, с.399]. Помимо того, неотъемлемой частью петербургского быта при Петре стали зрелищные представления боевой мощи: торжественные построения, парадные прохождения гвардейских полков. Голштинский камер-юнкер Ф.В. Берхгольц, впервые столкнувшийся с этой достопримечательностью столицы в 1721 г., признавал, что при всей продолжительности подобных ритуалов они не вызывали скуки у зрителей. Всеобщее внимание приковывали красота строя и находившихся в нем солдат, четкость и слаженность их движений [4, с.135].

Еще одной особенностью поведения Петра было то, что огромное расстояние, разделявшее царя и любого из его подданных, сокращалось в рамках его взаимодействия с гвардией. Сопровождавшие повсюду Петра и служившие ему главной опорой гвардейцы находились на положении высшей касты. А некоторые из их пристрастий становились эталонными для всего двора и приглашенных лиц. Например, на торжественных приемах во дворце гостей неизменно обносили хлебным вином, которое было в особенном почете у гвардейцев. Как указывал Берхгольц, свою приверженность гвардии Петр I объяснял тем, что «между гвардейцами нет ни одного, которому бы он смело не решился поручить свою жизнь» [4, с.141].

Однако особые отношения, связывавшие царя и гвардию, коренились не только в абсолютной преданности и надежности гвардейских частей. В петровских начинаниях гвардии была предписана роль инструмента и организатора реформ.

Почти полное отсутствие в России лиц стремящихся к преобразованиям к моменту начала реформ диктовало необходимость их воспитания. В этом плане усилия Петра I изначально направлялись к тому, чтобы отобрать из своего окружения персон, готовых к принятию его собственной системы перевернутых традиционных ценностей, а затем резко выделить их из состава старомосковской элиты соучастием в беспрецедентных занятиях, обрядах и забавах.

Первоначальное ядро будущей обширной группы реформаторов формировалось в так называемой кампании Петра I, объединявшей по подсчетам историка А.И. Заозерского около тридцати человек. Пестрый по своему составу этот «передовой отряд» молодого царя (наряду с некоторыми знатными особами, сюда входили и худородные дворяне и лица совсем простого звания) был сцементирован своей втянутостью в эпатажные и кощунственные действия. Подыгрывая царю, он перенимал от него фривольное обращение с текстом Священного писания и другими сакральными символами, отказ от соблюдения поста и других религиозных предписаний, яростную замену старорусского этикета правилами европейской «людскости», тесное общение с иностранцами. Эти наклонности расценивались как крайне предосудительные с точки зрения московского благочестия. Однако во многих случаях выходки соратников царя создавали прямую угрозу жизни и безопасности тех, кто не поддерживал новшества. По свидетельству князя Б.И. Куракина, на святках гвардейцы врываются в дома нелюбимых царем знатных персон и учиняли над теми гнусное надругательство. По этой причине «... многие к тем дням готовились как к смерти» [9, с.81].

Впрочем, положение самих любимцев царя, по словам секретаря прусского посольства И.Г. Фоккеродта, порой было достойно еще большего сожаления. Царь «принуждал своих самых главных и преданных слуг, несмотря на их болезнь, рядиться, то есть надевать шутовское платье и с открытым лицом разъезжать в дождь и выюгу на длинных телегах, или заставлял их напиваться мертвецки да еще угощал их пощечинами, если по природному отвращению они очень упорно отказывались пьянствовать [15, с.87].»

Вместе с тем в этой сумасбродной прихоти деспота, легко можно найти рациональный мотив. Заставляя приближенных регулярно бросать вызов традициям общества, восстанавливая их против влиятельных кланов, чуждых духу обновления, Петр неуклонно добивался преданности своего опорного звена. Тем самым заранее отсекалась вероятность его возвращения к старомосковским порядкам. Отныне единственно возможный удел этих людей состоял в том, чтобы кагиться по рельсам петровского реформаторского курса. Кроме того, безжалостное расставание с наследием прошлого облегчало усвоение новых принципов жизни.

Дальнейшее расширение круга реформаторов и его распространение в России первой четверти XVIII в. были неразрывно связаны со становлением регулярной армии. К узкому кругу ближайших соратников Петра добавлялись гвардейцы и дворянские волонтеры, прошедшие стажировку за рубежом, а впоследствии и остальные части армии. Еще на этапе создания будущая гвардия была выведена из-под действия юридических и моральных норм и сама стала эти нормы устанавливать. Например, во время кожуховских маневров осенью 1694 г. военачальники противостоявших друг другу сторон – Ф.Ю. Ромодановский и И.И. Бутурлин – выступали под именами соответственно царей Преображенского и Семеновского и были облачены в иноземное платье. При этом, командовавший полками нового строя Ромодановский был наделен еще нерусским именем «генералиссимуса Фридриха» и «короля Пресбургского». Но и это были еще не самые важные обстоятельства, которые вызвали смущение в умах очевидцев. По единодушному мнению современников, Ф.Ю. Ромодановский являлся личностью, носившей на себе черную метку: «собою видом как монстр, нравом злой тиран, превеликий нежелатель добра никому, пьян во все дни, но его величеству верный был, что никто другой» [7, с.75]. Такой отзыв приводил о нем в своем сочинении Б.И. Куракин. Именно Ромодановскому предстояло блистательным натиском «застолбить» навечно идею абсолютного превосходства в силе и умении иноземного образца регулярной армии над стрелецкими полками во главе с Бутурлиным.

Экстравагантность, возведенная в базовый принцип, пронизывала всю кадровую политику Петра. Детей противников реформ он принудительно отправлял на обучение за границу, беря их по сути дела в заложники. Большая тяжесть этого наказания, чем зачисление в московское учебное заведение, выходила, во - первых, из того, что при скудном казенном обеспечении заграничная командировка являлась настоящей школой выживания, требовавшей поистине семижильной выносливости. Во - вторых, по ее окончании предстоял отчет о почерпнутых знаниях, который по всей строгости принимал царь. В третьих, заграничный опыт наделял «волонтера» печатью отверженности среди соотечественников. Вот что писал один из младших «птенцов гнезда Петрова» И.И. Неплюев. Едва сойдя с судна, молодые дворяне почувствовали себя изгоями: «По нашему отлучению от отечества не токмо от равных нам возненавидены, но и свойственников наших при первом случае насмешкою и ругательством по европейскому обычаю, в нас примеченному, осмеянные» [10, с.417]. Как и в случае с соучастниками разнузданных увеселений царя, превращение «чужого среди своих» создавало единственно возможную схему всего дальнейшего поведения сугубо в русле, проложенном Петром. Она же притягивала друг к другу людей, оказавшимися товарищами по несчастью.

Еще в больших размерах соучастников реформ плодила гвардейская служба. Секретарь прусского посольства И.Г. Фоккеродт указывал на структурообразующую роль гвардии. Перенастраивая весь поступающий на «входе» социальный материал на волну реформаторства, она в то же время воспроизводила себя в остальных частях русской регулярной армии. В частности, именно своей службе в полках, «размножавшихся из так называемых потешных», как считал Фоккеродт, русское дворянство и было обязано своим превращением» [15, с.32].

Укреплению гвардии на позициях инструмента реформ, содействовала широчайшая практика ее применения вне прямых военных обязанностей. Петровская гвардия исполняла

полицейскую службу там, где силы и способности гражданских чиновников внушали сомнения, при этом пользуясь неформальным превосходством над любым бюрократическим органом и должностным лицом.

Так, в 1721 г. Петр определил гвардейских штаб-офицеров к поочередному дежурству на заседаниях Сената. Такие дежурные наделялись правом не только доносить царю о беспорядках в работе высшего правительственного учреждения, но и своей властью сажать их под арест. В этой связи французский посланник де Лави констатировал ситуацию, противоречащую простому здравому смыслу: самые высокопоставленные в государстве чиновники - сенаторы почтительно вставали со своих мест, когда в зал заседаний входил юный поручик, и выказывали подобострастное внимание его персоне [6, с.312-313].

Параллельно с тем наряды младших офицеров и нижних чинов гвардии направлялись в губернии и провинции для ревизии местного управления. Полномочия таких ревизоров допускали не только побудительное воздействие на губернаторов, затягивавших с выполнением правительственных предписаний, но и заковывание их в кандалы и цепи до окончания порученного дела. По этому поводу русский историк XIX в. М.М. Богословский замечал: «гвардейский солдат – «понудитель» говорил не только тоном строгого ревизора, но и властным тоном начальника» [6, с.312-313]. Абсолютное преимущество гвардейских ревизионных комиссий над постоянными органами государственного надзора историк усматривал в чрезвычайном праве практического вмешательства в ситуацию на местах: «Если прокуроры и фискалы играли роль очей и ушей государя, то гвардейские офицеры и солдаты передавали в провинцию действие его тяжелой руки» [6, с.312-313].

Особую напряженность для местных администраторов создавала тщательность гвардейских ревизий, длившихся порой несколько лет [6, с.313]. Политическую линию Петра I в целом характеризовало внедрение гвардии в те узлы государственного аппарата, на которые падала наибольшая нагрузка. В том числе это касалось новых органов надзора. В полном соответствии с принципом «доверяй, но проверяй», царь давал ход большинству фискальных доносов только после того, как их правильность была удостоверена специальными гвардейскими розыскными канцеляриями.

С течением времени канцелярии утвердились не только в качестве следственных отделов при органах надзора, но и в качестве самостоятельных институтов внесудебной расправы. Этому расширению компетенции способствовала передача в их ведение с 1713 г. дел о коррупции чиновников высокого ранга. В особенности их роль окрепла в 1715 г., когда дела о «похищении казны» были причислены к разряду преступлений по «слову и делу» и одновременно выведены из сферы деятельности Преображенского приказа.

Вскоре явились и первые плоды: так, например, розыск, проведенный в Сибири гвардейскими комиссиями И.И. Дмитриева -Мамонова, А.И. Ушакова и В.В. Долгорукова, увенчался громким разоблачением и казнью в 1719 г. сибирского губернатора кн. М.П. Гагарина [6, с.147.]. Аналогичным образом работа следственной бригады, составленной, по показаниям Фоккеродта, «из одних гвардейских офицеров», привела к вынесению приговора сиятельным коррупционерам, окопавшимся в самом эпицентре власти. Выведенные на «чистую воду» расхитители и мошенники, как полагал иностранный дипломат, по совокупности совершенных ими преступлений заслуживали самой суровой кары. Поэтому царь поступил «еще очень милостиво, велевши двух сенаторов погладить по языкам раскаленным железом...и сослать их в Сибирь, петербургского вице-губернатора наказать всенародно кнутом, одного из господ Адмиралтейства, так же, как и начальника над зданиями... тоже кнутом, а у князя Меншикова и великого адмирала Апраксина попорочить карманы» [6, с.96]. Однако наиболее ярким выражением руководящей и направляющей роли частей регулярной армии в петровской системе стала проверка результатов переписи податного населения, произведенной вначале силами местных властей. Этим целям служили полковые дворы, а также переписные канцелярии, составленные из военнослужащих. Затягивание процедуры ревизии превращало такие органы из временных в стационарные. Открытые в 1722 г. переписные канцелярии продолжали функционировать и в 1728 г. [6, с.379].

Укрепившись на месте, они образовали вторую, параллельную гражданской, систему администрации. Пользуясь привилегированным положением и располагая отрядами

оперативного реагирования в лице воинских команд дисктриктов, переписчики подчинили себе провинциальных воевод (во всяком случае они адресовались к ним «указами», в то время как те отвечали «доношениями») [6, с.384].

По словам Богословского, «неразлучным спутником переписчика стал палач, а вместе с переписными канцеляриями по всей России усиленно заработали застенки». Взыскание крупных денежных штрафов с помещиков и приказчиков за утайку ревизских душ стало самой обычной практикой. В отдельных местностях драгуны и солдаты устраивали настоящие облавы на дворян, давших ложные показания о количестве крепостных душ. Таких нарушителей забирали из домов с женами и детьми, помещали их под караул, а в случае и последующего заперательства – подвергали пыткам [6, с.351].

Поставив фискальные интересы неизмеримо выше любых других, власть дала своим военным ревизорам право на изменение отдельных социальных категорий. В результате чего пострадали феодальные собственники. По ходу ревизии упразднился институт холопства: «дворовые» и «деловые» люди были положены в подушный оклад, наравне с прочими категориями крестьян [1, с.145]. Податная реформа, произведенная силами военных, перекрыла канал закрепощения однодворцев и половников, к которым давно тянулись жадные руки помещиков [1, с.147], а также пресекла попытки вторичного обращения в неволю холопов-отпущенников [1, с.151].

Наконец, с этого момента переселять крепостного из одного своего имения в другое помещик мог только с уведомления полкового начальства [1, с.145]. В угоду государственным интересам указом от 28 мая 1723 г. военным ревизорам разрешалось оставлять беглых крестьян, нанявшихся на мануфактуру, на новом месте проживания при предприятии с сохранением формальной владельческой принадлежности [1, с.146].

В стремлении сберечь фонд налогоплательщиков государственная власть не отступала и перед реквизициями излишков хлеба у помещиков: во время эпидемий и голода 1721-1724 гг., охвативших ряд регионов страны, руками воинских чинов господское добро частично перераспределялось в пользу голодающих [1, с.147]. Из тех же соображений с 1719 г. местным властям предписывалось брать под наблюдение помещиков на предмет выявления среди них беспутных прожигателей состояния и разорителей крестьян, а в случае обнаружения таковых передавать их поместья в управление ближайших сородичей [1, с.481-482].

Таким образом, проведение ревизии, наряду с подключением военнотружущих к областному администрированию, приводило к нарушению полноты помещицкой власти над крестьянским сообществом. Впервые между фигурой помещика и крестьянским миром выросла могущественная третейская власть, требовавшая первым долгом отдать «кесарю кесарево» и только потом устраивать собственные дела.

Разумеется, задачи социального управления и арбитража, фактически решаемые военными ревизорами, требовали высокой профессиональной компетентности, которой тем часто недоставало. Тем не менее военные администраторы выполняли свой долг, не отходя от присяги, предоставленных им правомочий и непредвзятого отношения ко всем категориям своих подопечных. На это указывали бесчисленные обращения местных жителей к военным командирам по поводу улаживания междоусобных споров, защиты от «мироедов», поимке воров и разбойников. А самым убедительным аргументом полезности военных являлось «голосование ногами» местных жителей в пользу суда и следствия на полковом дворе, а не в воеводской канцелярии [6, с.395].

Проведение ревизии не прошло бесследно и для самих военных. Миссия устроителя социального порядка, наделенного высочайшим доверием и престижем, означала полнейший разрыв с теми социальными позициями, с которыми человек поступал на военную службу. Негативное отношение поместного дворянства, городских и сельских общин, подвергшихся действию репрессивного механизма, послужило еще большему сплочению внутри армии Петра и стремлению военных сохранить статус реформаторов. Не случайно иностранцу, описывавшему ситуацию в обществе после смерти Петра I, среди массы расправивших плечи стародумов в первую очередь бросались в глаза гвардейцы – ревностные хранители петровских заветов [15, с.96].

Список использованных источников и литературы:

1. Анисимов Е.В. Петр I: рождение империи. // История Отечества: люди, идеи, решения. – М., 1991. – Т.1. – 625 с.
2. Анисимов Е. Податная реформа Петра I. Введение подушной подати в России. 1719-1728 гг. / Е.В. Анисимов. – Л., 1982. – 445 с.
3. Акишин М.О. Полицейское государство и Сибирское общество. Эпоха Петра Великого./ М.О. Акишин. – Новосибирск, 1996. – 647 с.
4. Берхгольц Ф.В. Дневник камер- юнкера. // Неистовый реформатор. – М., 2000. – 350 с.
5. Беспярых Ю.Н. Иностраные источники по истории России. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). – СПб., 1998. – 560 с.
6. Богословский М.М. Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719-1727 гг. / М.М. Богословский. – М, 1902. – 638 с.
7. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682-1695 гг. // Русская старина, 1890. – Т. 68. – №10. – С.238-260.
8. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. / Э. Дюркгейм. – М.,1996. – 680 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории. / В.О. Ключевский. – Т.4. – М., 1958. – 670 с.
10. Неплюев И.И. Записки. // Империя после Петра. 1725-1765. – М., 1998. – 380 с.
11. Плейер О.А. О нынешнем состоянии государственного управления в Московии в 1710 году. // Лавры Полтавы. – М., 2001. – С.399.
12. Российское законодательство X-XX веков. В девяти тт. – М., 1986. – Т. 4. – С.331.
13. Соловьев С.М. История России. / С.М. Соловьев. – М., 1962. – 867 с.
14. Успенский Б.А. Царь и Бог. Семиотические аспекты сакрализации монарха в России. / Б.А. Успенский. Избранные труды. – М.,1994. – 649 с.
15. Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. – М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. – 350 с.

M. SUHUSHIN

REGULAR ARMY FORCES DRIVING UNDER THE REFORMS OF PETER I: SOCIAL ASPECTS

The question of the influence of the military reforms of Peter I on the system of social relations in Russia. Peter I created a social layer "reformers", separated from the "old" society. The main instrument of reform was the regular army, posted in the provinces.

Keywords: power, reform the Russian army, the administration, social change.

М.П.СУХУШИН

РЕГУЛЯРНА АРМІЯ У КОНТЕКСТІ РЕФОРМ ПЕТРА І: СОЦІАЛЬНИЙ АСПЕКТ

Розглядається питання про вплив військової реформи Петра I на систему соціальних відносин у Росії. Петро I створив соціальний шар «реформаторів», відокремивши їх від «старого» суспільства. Головним інструментом реформ стала регулярна армія, розміщена в губерніях.

Ключові слова: влада, реформи, російська армія, адміністрація, соціальні зміни.